

АПУЛЕЙ
АПОЛОГИЯ
МЕТАМОРФОЗЫ
ФЛОРИДЫ

Луций Апулей
Флориды

«Public Domain»

Апулей Л.

Флориды / Л. Апулей — «Public Domain»,

Значительный интерес для филолога и историка представляет сборник «Флориды». Предполагают, что первоначально он был значительно больше и состоял только из целых речей; впоследствии же какой-то поклонник таланта Апулея выбрал из этих речей наиболее понравившиеся ему места. Принцип отбора был, повидимому, чисто стилистическим, так как никакой смысловой связи между отрывками нет; мало того, иные из них не содержат даже законченной мысли и обрываются на полуслове. То, что объединяет их все, — это лишь поразительная изощренность и отточенность стиля. «Флориды» — зеркало общественных и литературных нравов той эпохи, ее идей, настроении и радостей.

Содержание

I.	5
II.	6
III.	7
IV.	9
V.	10
VI.	11
VII.	12
VIII.	13
IX.	14
X.	17
XI.	18
XII.	19
XIII.	20
XIV.	21
XV.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Апулей Флориды

I.

Вошло в обычай у благочестивых путников: если попадется им на пути какая-нибудь роща или иное какое-нибудь место, богам посвященное, загадывают они заветные желания, плоды пред святынею возлагают, присаживаются ненадолго ¹. Вот так же и я, хотя и очень спешу, все же, вступив в пределы этого высоко почитаемого города ², должен раньше всего постараться снискать ваше благоволение, выступить с речью, обуздать свою поспешность. В самом деле, ведь это дает путнику не менее основательный повод для благочестивой остановки, чем алтарь, цветами увитый, пещера, тенистою сенью листвы укрытая, дуб, рогами увешанный ³, бук, мехами увенчанный ⁴; или, например, чем холмик, в дар божеству принесенный и оградою обнесенный, или пень с вырезанным на нем изображением, или орошенный возлиянием дерн ⁵, или камень, благовонною мазью умащенный ⁶. Как все это, право же, незначительно! Лишь немногие проявляют интерес к таким святыням и поклоняются им, а люди неосведомленные равнодушно проходят мимо.

¹ Во время молитвы древние сидели.

² О каком городе идет здесь речь, неизвестно.

³ Рога оленей и других диких животных были обычным приношением богине охоты Диане.

⁴ Звериные шкуры также приносились в дар Диане или лесному богу Сильвану.

⁵ Имеется в виду, вероятно, алтарь из дерна.

⁶ Ср. «Апология», гл. 56.

II.

Но Сократ, мой великий предшественник ⁷, придерживался совсем другого мнения. Как-то раз он довольно долго глядел на красивого юношу, все время хранившего молчание, и, наконец, попросил его: «Теперь, чтобы я мог тебя увидеть, скажи что-нибудь». Стало быть, если человек молчал, Сократ его не видел. Это и понятно: ведь он считал, что когда рассматриваешь человека, следует полагаться на взор души, на остроту разума, а не глаза. В этом вопросе он расходится с солдатом у Плавта, который говорит так:

Двум глазам скорей поверим мы, чем двадцати ушам ⁸.

Мало того, Сократ даже вывернул этот стих наизнанку ⁹, применив его к изучению людей:

Двум ушам скорей поверим мы, чем двадцати глазам.

Впрочем, если бы показания глаз имели большую силу, чем свидетельства разума, то пальму первенства в мудрости пришлось бы присудить, несомненно, орлу. И в самом деле, мы, люди, не в состоянии различить глазами ни того, что находится слишком далеко, ни того, что совсем близко – все мы, в какой-то мере, страдаем слепотою; и если принимать в расчет только наши глаза и это земное, слабое зрение, то, разумеется, трижды прав великий поэт, говоря, что какое-то подобие облака разлито у нас перед глазами и мы различаем не дальше, чем на расстояние полета камня ¹⁰. А вот орел, когда подыметесь на страшную высоту, до самых облаков, и крылья пронесут его сквозь все то пространство, где идет дождь и падает снег, к тому пределу, за которым нет уже ни молнии, ни грома, к самому, если можно так выразиться, подножию эфира и вершине бурь; – когда, повторяю, достигнет орел такой высоты, то слегка наклоняет могучее тело и начинает плавно скользить то вправо, то влево, обращая паруса своих крыльев куда заблагорассудится, а хвост служит ему маленьким кормилом. Затем, окидывая взором все, что простирается внизу, он замедляет на мгновение свой полет и, паря почти неподвижно на распростертых крыльях, подобных не знающим усталости веслам, осматривается кругом, отыскивая, куда бы лучше всего обрушиться ему с высоты, чтобы с быстротою молнии настичь добычу. Со своего места в небе он видит сразу и стада в полях, и зверей в горах, и людей в городах, и всех держит под угрозой нападения, о которой никто не подозревает. Он ждет лишь удобной минуты, чтобы пронзить клювом, схватить когтями ягненка беспечного или зайчика трусливого, или любое другое живое существо, которое пошлет ему случай на пожрание или растерзание.

⁷ Платоник Апулей называет Сократа, учителя Платона, своим предшественником.

⁸ Плавт, «Грубиян» (Truculentus), 489.

⁹ Разумеется, Сократ, живший двумя веками раньше Плавта, не мог знать его стихов, но мысли Сократа соответствует «вывернутый наизнанку» стих Плавта.

¹⁰ Гомер, «Илиада», III, 12 ел.

III.

Гиагнис, как рассказывают, был отцом и учителем флейтиста Марсия. В тот, не ведавший еще музыки век, он первый, раньше всех других начал исполнять различные мелодии, хотя, конечно, звуки, которые он извлекал из своего инструмента, не были столь трогательными, лады столь разнообразными, а отверстия флейты столь многочисленными, как теперь: ведь искусство это в те времена было новым открытием и едва-едва успело появиться на свет. Нет в мире ничего, что могло бы достичь совершенства уже в зародыше, напротив, почти во всяком явлении сначала – надежды робкая простота, потом уж – осуществления бесспорная полнота. Так вот, до Гиагниса большинство людей знали толк в музыке ничуть не больше, чем овчар или волопас у Вергилия:

Дудкой скрипучей своей губили несчастные песни ¹¹,

А если кто-нибудь и достигал, как казалось тогда, несколько больших успехов в этом искусстве, все же и он продолжал придерживаться обычая и играл на одной флейте или на одной трубе. Гиагнис был первым, кто развел в стороны руки во время игры, первым, кто одним дыханием оживил сразу две флейты, первым, кто, воспользовавшись отверстиями слева и справа, смешал высокие звуки и низкие тона, создав стройную гармонию ¹².

Сын его Марсий, хоть и пошел по стопам отца и мастерски играл на флейте, оставался все же варваром-фригийцем: смотрит диким зверем, свирепый, косматый, борода в грязи, весь оброс шерстью и щетиной. И говорят, что этот самый Марсий (страшно вымолвить!) состязался с Аполлоном: омерзительное уродство – с совершенною красотою, невежество – с ученостью, чудовище – с богом! Судьями, шутки ради, были Музы и Минерва ¹³; впрочем, они хотели не только посмеяться над варварством этого уродца, но и наказать его тупость. Однако Марсий не понимал, что над ним издеваются (самое убедительное доказательство глупости!), и прежде чем начать дуть в свою флейту, принялся на варварский лад нести какой-то вздор о себе самом и об Аполлоне. Себя он превозносил до небес – и свои откиннутые назад волосы, и нерасчесанную бороду, и косматую грудь, и искусство флейтиста, и удел нищего. Аполлона же (смешно сказать!) порицал, ставя ему в вину противоположные качества: Аполлон, де, и волос не подстригает, и щеки у него нежные, и тело безволосое, и опытен он не в одном, а во многих искусствах, и удел его – удел богача. «Во-первых, – сказал Марсий, – волосы у него прядями ниспадают на лоб и локонами спускаются по вискам, все тело такое нежное, члены округлые, язык предсказывает грядущее и с одинаковым красноречием вещает и прозою и стихами. А одежда его! – тонко вытканная, на ощупь мягкая, пурпуром сверкающая! А лира, что золотом пламенеет, слоною костью белеет, драгоценными камнями играет! А его звонкое пение, такое мастерское и прекрасное! Вся эта роскошь, – продолжал он, – добродетели никак не украшает, но служит спутницей изнеженности». Своим же телом Марсий, напротив, хвастался, не зная меры, и называл себя высшим образцом красоты.

Засмеялись Музы, когда узнали, в чем упрекает Аполлона Марсий, – ведь упреки такого рода мудрец мечтает услышать, – и флейтиста этого, потерпевшего поражение в состязании,

¹¹ Вергилий, «Буколики», III, 27.

¹² Инструмент, на котором, по словам Апулея, играл Гиагнис, представлял собою две дудочки, несколько напоминавшие современный гобой, в мундштуки которых дули одновременно. Первоначально в каждой из них было по 4 отверстия – соответственно числу свободных пальцев. Позже на стволы инструмента стали надевать особые передвижные кольца, закрывавшие все ненужные музыканту в данный момент отверстия, что позволило увеличить общее число последних.

¹³ Минерва (Афина) считалась у древних изобретательницей флейты. По другой, более распространенной версии мифа, состязание судили одни только Музы.

освеживали, словно медведя какого-нибудь двуногого, да так и бросили – с обнаженным и висящим клочьями мясом ¹⁴. Вот как Марсий играл и доигрался до казни. Впрочем, Аполлон стыдился, разумеется, столь ничтожной победы.

¹⁴ Апулей снова отступает от общепринятой версии, согласно которой не Музы, а сам Аполлон расправился со своим противником.

IV.

Жил когда-то флейтист по имени Антигенид ¹⁵. Сладостен был каждый звук в игре этого музыканта, все лады были знакомы ему, и он мог бы воссоздать для тебя, по твоему выбору, и простоту эолийского лада, и богатство ионийского, и грусть лидийского, и приподнятость фригийского и воинственность дорийского. И вот, по словам этого флейтиста, который был столь знаменит своим искусством, ничто его так не оскорбляло, ничто не угнетало так его душу и разум, как мысль, что похоронных трубачей называют флейтистами. Впрочем, он стал бы спокойно относиться к этой общности имен, если бы взглянул на выступление мимов ¹⁶; он обнаружил бы, что одни из них занимают почетные места, а другие, хоть и одеты в пурпур, почти так же точно, как первые, получают удары. И то же самое заметил бы он, если бы побывал на наших гладиаторских играх: ведь и здесь он увидел бы, как один человек сидит на почетном месте, а другой бьется насмерть. Да вот и тога – ее увидишь и на свадьбе, и на похоронах; и плащ – он окутывает трупы ¹⁷ и служит одеждой философу.

¹⁵ Знаменитый греческий флейтист и композитор конца V – начала IV вв. до н. э. родом из Фив.

¹⁶ См. прим. 50 к «Апологии».

¹⁷ Римляне обычно одевали покойников в тогу, а греки – закутывали в плащ.

V.

Да, похвальное усердие привело вас в театр! Ведь вы знаете, что место не в состоянии лишить речь ее значительности, но, напротив, прежде всего следует обращать внимание на то, что предстает твоему взору в театре. И в самом деле, если это мим, ты посмеешься, канатоходец – замрешь от страха, комедия – похлопаешь, философ – поучишься.

VI.

Индусы – многочисленный народ, насчитывающий огромное количество людей и занимающий огромное пространство. Живут они далеко к востоку от нас, в тех краях, где изгибается берег Океана и восходит солнце, там, где рождаются звезды и кончается земля, дальше, чем египтяне ученые, иудеи суеверные, набатеи¹⁸-торговцы, дальше арсакидов¹⁹ в развевающихся одеждах и бедных плодами итиреев²⁰, и богатых благовониями арабов. У этих-то вот, повторяю, индусов больше всего восхищают меня не горы слоновой кости, не сборы перца, не караваны киннамона²¹, не закалка стали, не серебряные рудники, не золотые потоки; не то, что их Ганг – величайшая из всех рек:

Вод повелитель восточных, на сто рукавов разделяясь, Сто образует долин плодородных, сто устьев широких И с Океаном шумящим сливается сотней потоков; не то, что, хотя живут индусы в самом царстве утренней зари, кожа их напоминает ночь своим цветом; не то, что огромные драконы у них вступают в бой с чудовищными слонами – битва, одинаково опасная для обоих и обоим несущая гибель. И в самом деле, дракон, поймав противника в свои гибкие кольца, сковывает его, так что слон, который не в силах и шагу ступить или вообще как-то разорвать свои цепкие чешуйчатые змеиные путы, не видя никакого иного пути к мщению, падает и всю тяжестью своего тела раздавливает врага, захватившего его в плен²².

Разнообразны и жители Индии (мне приятнее говорить о диковинных людях, чем о диковинах природы!). Есть среди них порода людей, которые умеют только коров пасти и ничего больше; потому и прозвище у них – волопасы. Есть и такие, что искусно товары обменивают, и такие, что смело бросаются в сражение, ведя бой и на расстоянии – стрелами, и врукопашную – мечами. Есть у них, кроме того, одна замечательная порода людей, называются они гимнософистами²³. Ими-то и я восхищаюсь больше всего. Нет у них опыта ни в разведении винограда, ни в прививании деревьев, ни в обработке земли; не умеют они поля возделывать, золото мыть, коней укрощать, быков смирять, ни стричь или пасти овец или коз. Так что же они умеют? Взамен всего этого – лишь одно: почитают и умножают мудрость, все – как престарелые наставники, так и юные ученики. И ничто, по-моему, не заслуживает у них большей похвалы, чем отвращение к косности духа и безделию. Поэтому, когда стол уже накрыт, но кушанья еще не поданы, все молодые люди оставляют каждый свое занятие и сходятся со всех сторон к трапезе, а наставники принимаются расспрашивать их, что хорошего совершили они в этот день со времени восхода солнца. Тут один рассказывает, что, избранный третьей судьей, он погасил вражду, восстановил согласие, рассеял подозрения и сделал врагов друзьями; другой – что подчинился какому-то приказанию родителей; третий – что пришел к некоторому заключению, размышляя сам или услышав чужое объяснение. И так каждый рассказывает свою историю. Того, кто не может привести никаких оснований, дающих право на обед, выгоняют вон голодным и возвращают к трудам.

¹⁸ Набатеи – арабское племя, проживавшее в начале новой эры в юго-западном Заиордании.

¹⁹ Арсакиды – парфяне, названные так по имени царя Арсака I (III в. до н. э.), основателя Парфянского государства.

²⁰ Итиреи (или итуреи) – жители горной бесплодной области к северо-востоку от Палестины.

²¹ См. прим. 16 к кн. II «Метаморфоз».

²² Такой же точно рассказ находим у Плиния Старшего (VIII, 11).

²³ Гимнософисты (буквально «нагие мудрецы») – древнеиндийские философы-аскеты, напоминающие современных йогов.

VII.

Знаменитый Александр, несомненно, величайший из всех царей, был прозван за свои подвиги и завоевания Великим – для того, чтобы никогда не упоминался без похвалы муж, стяжавший беспримерную славу. И правда, ведь с самого начала времен он остается на памяти человечества единственным, кто, покорив своей неодолимой власти целый мир, встал выше собственной судьбы, величие щедрот которой было следствием его энергии, равно его заслугам и осталось позади в сравнении с его величием; единственным, чья блистательная слава до того не знакома с соперничеством, что никто не осмеливается и мечтать о его доблести, ни желать для себя его судьбы. Этот Александр совершил множество возвышенных дел и прекрасных поступков, устаешь восхищаться и его смелостью на войне, и его мудрою прозорливостью в мирное время – каждым из тех случаев, которые прославил в своей прелестной поэме мой Клемент, самый ученый и самый приятный из поэтов ²⁴.

Но вот одно из самых замечательных деяний Александра: стремясь оставить потомкам как можно более точное свое изображение, он не пожелал, чтобы множество художников публично искажали его облик. Поэтому он издал указ, запрещающий кому бы то ни было в подвластном ему мире создавать по собственному желанию изображения царя в бронзе, в красках или в рельефе: только Поликлет ²⁵ получал право отливать их из бронзы, только Апеллес ²⁶ – писать красками, только Пирготель ²⁷ – вырезать в рельефе. Если же найдется кто-нибудь иной – помимо этих троих самых знаменитых в своем искусстве мастеров, – кто протянет руку к священнейшему образу царя, того настигнет кара такая же точно, как за святотатство. И вот всеобщий страх этот стал причиной того, что только один Александр запечатлен с полнейшим сходством на всех изображениях: каждая статуя, картина, рельеф передает одну и ту же энергию неутомимого воителя, тот же гений величайшего государственного мужа, ту же прелесть цветущей юности, то же благородство открытого лба.

О, если бы и в философии подобным же образом имел силу указ, запрещающий первому встречному посягать на ее подобие! Указ, предписывающий, чтобы лишь немногочисленные славные мастера, подлинники знатоки своего искусства, подвергали всестороннему рассмотрению проблемы мудрости, а люди грубые, нечистоплотные, необразованные не смели бы подражать философам, у которых они не заимствуют ничего, кроме плаща ²⁸, и не искажали бы облика царственной науки, созданной для обучения как славным речам, так и славной жизни, своими скверными речами и ничуть не лучшею жизнью. И то, и другое, разумеется, – дело совсем не хитрое. И действительно, найдется ли что-нибудь более простое, чем сочетание несдержанности языка с низостью нравов (первая – следствие презрения к другим, вторая – к самому себе)? Ведь собственная нравственная нечистоплотность – это знак презрения к самому себе, а грубые нападки на других – оскорбление слушателей. Разве не наносит вам величайшего оскорбления тот, кто считает, будто вам доставляет удовольствие слушать, как поливают грязью любого из порядочных людей, кто полагает, будто вы не понимаете скверных и порочных слов, а если и понимаете, то соглашаетесь с ними? Какой грубиян, какой носильщик или кабатчик, приди ему в голову мысль надеть на себя плащ, не сумел бы браниться более красноречиво, если он только не совсем косноязычен?

²⁴ Никаких других упоминаний об этом «самом ученом и самом приятном из поэтов» не сохранилось.

²⁵ Поликлет – греческий скульптор V в. до н. э., родом из Сикиона (город в северной части Пелопоннеса); жил целым веком раньше Александра. В действительности придворным скульптором Александра был земляк Поликлета а Лисипп.

²⁶ Апеллес – крупнейший греческий живописец IV в. до н. э., уроженец города Колофона в Малой Азии.

²⁷ Пирготель – прославленный греческий резчик гемм.

²⁸ Плащ считался как бы обязательным для философа одеянием. Ср. «Флориды», IV.

VIII.

Да, он в большой мере обязан самому себе, чем своему званию, хотя и звание у него не такое, как у других. В самом деле, среди бесчисленного множества людей лишь немногие – сенаторы, среди сенаторов немногие – знатного рода, а среди последних немногие – консуляры; среди консуляров немногие – люди добродетельные, и, наконец, немногие среди добродетельных – ученые. Но если говорить только о должности, следует признать, что первому встречному не позволено присваивать себе знаки отличия должностного лица – ни его одежду, ни обувь ²⁹.

²⁹ Платье и обувь представителей различных сословий в Риме не были одинаковы. Так, сенаторы носили тогу с широкой пурпурной каймой и сандалии особой формы.

IX.

Если получилось так, что в вашем прекрасном собрании сидит как какой-нибудь из моих завистливых недоброжелателей (ведь во всяком большом городе найдутся и такие, кто предпочитает чернить более достойных, а не подражать им, и, не рассчитывая уже хоть в чем-нибудь уподобиться этим людям, питают лишь ненависть к ним, с тою, разумеется, целью, чтобы темная безвестность их собственных имен осветилась сиянием моего имени); – так вот, если кто-нибудь из таких злобных ворчунов затесался в ваше блистательное общество, пятная его своим присутствием, пусть окинет он взором это небывалое скопление слушателей и, взглянув на огромную толпу, какой никогда не видывали прежде на выступлениях философов, пусть обдумает и сообразит, какому тяжелому испытанию подвергается здесь добрая слава человека, не знакомого с людским пренебрежением. Да, потому что удовлетворить даже скромным ожиданиям немногих собравшихся – дело непростое и крайне затруднительное, а в особенности для меня: ведь и доброе имя, которое я уже успел приобрести, и ваше благосклонное ко мне отношение не позволяют мне ни слова вымолвить попусту или необдуманно. И в самом деле, кто из вас простит мне хоть один солецизм ³⁰? Кто пропустит мимо ушей один-единственный слог, на варварский лад произнесенный? Кто разрешит нести вздор, бормоча бессвязные, искаженные слова, как бы сорвавшиеся с уст безумца? Между тем другим вы легко простили бы это и, несомненно, были бы правы. Но все, сказанное мною, вы внимательно изучаете, тщательно взвешиваете, проверяете напильником и отвесом, сравниваете с токарной работой и трагическим котурном ³¹. Такова снисходительность, которою пользуется посредственность, таковы трудности, которые стоят на пути высоких достоинств.

Итак, мне отлично известна трудность моей задачи, и я не прошу вас представлять себе ее в ином виде. Но только не позволяйте поверхностному и лживому сходству вводить вас в заблуждение: ведь кругом, как я всегда предупреждаю, бродят какие-то попрошайки в плащах ³².

Вместе с проконсулом на трибунал ³³ поднимается и его глашатай, где и он, одетый в свою тогу, хорошо виден каждому; он долго стоит там или расхаживает взад и вперед, или чаще всего выкрикивает что-нибудь во всю мочь. А сам проконсул говорит сидя, вполголоса, с большими перерывами и чаще всего читает по табличке. Да оно и понятно: зычный крик – это служба глашатая, а табличка – постановление проконсула, в котором, коль скоро оно было оглашено, нельзя ни прибавить, ни убавить ни единой буквы; как его прочитали – в такой же точно форме и передают в архив провинции... Нечто подобное, разумеется, в других; пределах, происходит в ходе моих занятий и со мною. Все, с чем я выступаю перед вами, тотчас же записывается и начинает переходить от читателя к читателю, и я не имею возможности ни взять своих слов обратно, ни изменить, ни исправить в них чего бы то ни было. Тем большей тщательности требуют от меня мои публичные выступления, да и не только один этот вид занятий. Ведь на ниве Муз мои труды более многочисленны, чем труды Гиппия ³⁴ на поприще ремесел. Если вы уделите мне минуту внимания, я точно и подробно объясню вам, что имею в виду ³⁵.

³⁰ Солецизм – неправильный в синтаксическом отношении оборот речи.

³¹ В оригинале: *torno et coturno vero comparatis*. Слушатели ожидают от Апулея речи, отточенной и отшлифованной и, в то же время, исполненной высокого пафоса.

³² Т. е. лежефилософы. Ср. это место со второй половиной отрывка VII.

³³ Возвышение, на котором сидели должностные лица при исполнении своих обязанностей.

³⁴ Гиппий – греческий философ-софист середины V в. до н. э. Свой рассказ о нем Апулей заимствовал, вероятно, из диалога Платона «Гиппий меньший» (*Hipp. min.*, p. 368).

³⁵ Здесь оканчивается в рукописях первая книга «Флорид».

Гиппий – один из софистов, всех превосходивший богатством и разнообразием своих знаний и никому не уступавший в красноречии. Его современником был Сократ, отечеством – Элида ³⁶. Род его был незнатен, слава же велика, состояние скромно, но талант незауряден, память необыкновенна, занятия разнообразны, соперники многочисленны. Однажды этот Гиппий прибыл в Пису ³⁷ на Олимпийские игры, привлекая любопытные взоры своим нарядом и вызывая восхищение историей его изготовления. Из всего, что было на нем, ни одной вещи он не покупал, но все сделал себе своими собственными руками – и одежду, в которую был одет, и обувь, в которую был обут, и украшения, которыми обращал на себя внимание. На теле у него была надета нижняя туника из тончайшей материи, сотканной в три нити и дважды окрашенной пурпуром ³⁸; он сам, в одиночку сделал себе дома эту тунику. Опоясан он был поясом, разукрашенным вавилонскими узорами удивительно ярких расцветок; и в этом деле он обошелся без чужой помощи. На плечи был у него накинут белоснежный плащ, служивший верхней одеждой; плащ этот, как доподлинно мне известно, был тоже его собственной работы. Даже сандалии, защищавшие его подошвы, он сшил себе сам; даже золотое кольцо на левой руке, с искусно сделанною печатью, которым он так гордился, – ведь это он сам придал форму кольца металлу, сам закрепил камень в оправе, сам вырезал гемму. Но и это еще не все, и, право же, я не постесняюсь рассказать о том, чем Гиппий не постыдился хвастаться: перед многолюдным собранием он объявил во всеуслышание, что кроме всего прочего сам сделал себе флакон для масла, который носит с собою, – чечевицеобразной формы, с округленными линиями, в виде несколько сплюснутого шара, а вместе с флаконом – и изящную чесалочку с прямою от начала до конца ручкою, с изогнутой желобком ложечкой; такую чесалочку и в руке держать удобно, и пот из-под нее ручейком стекает ³⁹.

Кто же не похвалит человека столь обширных и разнообразных знаний, столь блистательно и многосторонне образованного, столь изобретательного и опытного в изготовлении домашней утвари?! Я и сам восхищаюсь Гиппием, но, стараясь соревноваться с изобилием его талантов, имею в виду скорее многообразие наук, которые были ему знакомы, чем полезных сведений о домашнем скарбе. Признаюсь, я мало что смыслю в ремеслах, одежду покупаю у ткача, вот эти сандалии приобрел у сапожника, кольца же вовсе не ношу, геммы и золото ценю ни во что, не выше свинца и простых камней, чесалками, флаконами и прочей банной утварью запасаясь на рынке. Да, я прямо и открыто заявляю, что не умею пользоваться ни ткацким челноком, ни шилом, ни напильником, ни токарным станком, ни другими подобными инструментами. Но я признаюсь, что всему этому предпочитаю простую тростинку ⁴⁰ для письма и с ее помощью создаю поэмы всех видов, годные для ветви ⁴¹, лиры, сокка ⁴², котурна; есть у меня и сатиры, и загадки, и разные рассказы; пишу я и речи, которые хвалят ораторы, и диалоги, которые хвалят философы, и все это (а также и многое другое того же рода) – как по-гречески, так и по-латыни, сходным стилем, с одинаковой охотой и равным усердием ⁴³.

³⁶ Область на западе Пелопоннеса.

³⁷ Писа – город в Элиде, близ которого происходили Олимпийские игры.

³⁸ В оригинале: *triplici licio, purpura duplici*. Существует и другое понимание этого места: туника соткана в три нити, две из которых – пурпурные.

³⁹ Чесалка и флакон с маслом (для умашения) – обычные банные принадлежности.

⁴⁰ См. прим. 2 к кн. I «Метаморфоз».

⁴¹ Ветку лавра или мирта держали в руке, декламируя отрывки из эпических поэм. Обычно с такими декламациями выступали мальчики.

⁴² См. прим. 2 к кн. X «Метаморфоз».

⁴³ Ср. «Флориды», XX.

О если бы сочинения эти, не порознь, не каждое в отдельности, но полностью, одною грудю, я мог положить перед тобою, лучший из проконсулов ⁴⁴, чтобы насладиться плодами почетного твоего суждения обо всем, созданном моею Музой!

Не слава, клянусь Геркулесом, нужна мне – моя старая слава, ярко блиставшая при всех твоих предшественниках, в неприкосновенности дошла и до тебя; но нет для меня уважения дороже, чем уважение человека, которого сам больше всех по заслугам уважаю. Да, такова уж воля природы: кого хвалишь, того и любишь, а кого любишь, от того желаешь и похвалу услышать. И я открыто объявляю себя твоим поклонником, хотя моя привязанность – всецело следствие гражданских, а не каких бы то ни было личных симпатий. Действительно, я ничего от тебя не получал, потому что и не просил ничего. Но философия научила меня любить не только приносящего добро, но и приносящего зло, скорее прислушиваться к голосу разума, чем служить личной выгоде, и предпочитать общественное благо своему собственному. Поэтому большинство ценит плоды твоей доброты, я же – приверженность к ней. Эту симпатию я испытываю с тех пор, как стал свидетелем твоей умеренности в делах управления провинцией, умеренности, которая должна быть источником особенно горячей любви к тебе: у людей, узнавших тебя, – за те благодеяния, которые ты им оказал, у людей посторонних – за тот пример, который ты им подал. Ведь и благодеяниями услужил ты многим, и примером всем принес пользу. Кто же не будет счастлив узнать у тебя, посредством какой умеренности оказывается возможным сохранить в обходительности величие, в строгости снисходительность, в кротости непреклонность, в мягкости энергию – свойственные тебе качества?! Ни к одному из проконсулов, насколько мне известно, не было у провинции Африки чувство почтения сильнее, робости – слабее; ни в один год, кроме твоего ⁴⁵, не был стыд более серьезным препятствием на пути к преступлению, чем страх. Никто другой, облеченный такою же властью, не приходил чаще на помощь, не наводил реже ужас, никто не привозил с собой сына, до такой степени подобного в добродетелях отцу. Потому-то никто из проконсулов не находился в Карфагене дольше твоего: даже в то время, когда ты совершал объезд провинции, мы, благодаря Гонорину, который оставался с нами, не так резко ощущали твое отсутствие, как желание снова увидеть тебя. Мы нашли в сыне отцовскую справедливость, в юноше мудрость старца, в легате внушительность консула, одним словом – все твои добродетели в таком точном повторении, что, клянусь богом, скорее в юноше, чем в тебе, заслуживали бы восхищения эти достоинства, если бы не ты сам передал их ему. О, если бы вечно можно было наслаждаться их плодами! Какое нам дело до этой смены проконсулов до мимолетности лет, до поспешности месяцев?! О, краткие дни пребывания благих мужей, о, быстрый круговорот, уносящий достойных наместников! Вот уже всей провинцией мы тоскуем по тебе, Севериан. Но Гонорина и призывает к претуре занимаемая должность ⁴⁶ и подготавливает к консульству благосклонность Цезарей ⁴⁷, наша любовь окружает его сегодня, а надежда клянется возратить его Карфагену в будущем, и весь город утешает себя лишь мыслью, что, последовав твоему примеру ⁴⁸, тот, кто покидает нас легатом, скоро вернется проконсулом.

⁴⁴ Обращение, как явствует из дальнейшего, к наместнику провинции Африки Севериану. Повидимому, речь произносилась в Карфагене, в городском театре.

⁴⁵ Наместники в провинциях сменялись ежегодно.

⁴⁶ В Риме существовал строгий порядок и постепенность в переходе от одной должности к другой. Повидимому, Гонорин, состоявший легатом при проконсуле, уже прошел квестуру (или эдильство), и теперь ему предстояло баллотироваться на должность претора, а затем – консула.

⁴⁷ Т. е. Марка Аврелия и Луция Вера. Совместный принципат этих двух императоров продолжался со 161 по 169 г.; к этим годам и относится та речь, из которой извлечен данный отрывок.

⁴⁸ По-видимому, в прошлом и сам проконсул Севериан побывал в Африка в качестве легата при наместнике.

Х.

И Солнце, что пылающей упряжкой
И колесницею сверкает огненной,

и равным образом, Луна, чей свет – лишь отражение солнечного, и силы пяти остальных планет: благотворная сила Юпитера, сладострастная – Венеры, стремительная – Меркурия, гибельная – Сатурна, огненная – Марса.

Существуют и другие посредствующие божественные силы ⁴⁹, которые можно ощущать, но не дано лицезреть; таков Амур и остальные подобные ему божества – внешность их ускользает от взгляда, но власть известна каждому. Это она, повинувшись предначертаниям провидения, в одних местах воздвигла крутые вершины гор, в других распростерла ровную гладь полей; это она повсюду указала, где рекам течь, где лугам зеленеть, она научила птиц летать, змей ползать, зверей бегать, людей ходить.

⁴⁹ Учение о божествах среднего ранга, своего рода связующем звене между людьми и всемогущим богом, Апулей излагает в трактате «О божестве Сократа».

XI.

Да, с ним происходит то же самое, что с теми несчастными, которые возделывают бесплодный и каменистый клочок земли, доставшейся им в наследство, — настоящую скалу, заросшую терновником. Их пустыня не способна родить ничего, и никаких плодов не увидишь там:

Все меж собой поделили овес бесплодный и плевел ⁵⁰.

Ничего не собравши с собственных полей, они отправляются на чужие и принимаются за кражи, срывая цветы соседей, для того, разумеется, чтобы перемешать эти цветы со своими волчками. Вот точно так же и тот, кто сам беден достоинствами ⁵¹...

⁵⁰ Вергилий, «Георгики», I, 154.

⁵¹ Текст оригинала обрывается на середине фразы.

ХII.

Птица попугай – индийская птица. Размерами он лишь немногим меньше голубя, но цветом отличается от голубя: он и не молочно-белый, и не сизый, и не белый в сизых пятнах, не бледно-желтый и не пестрый, нет, попугай весь зеленый от пушка у самой кожи до конца крылышек, и только шея выделяется на этом фоне. Шею же окружает пунцовая полоска, блеском своим подобная золотому украшению, она служит попугаю и ожерельем, и венком. Клюв необыкновенной твердости: когда, стремглав бросившись с огромной высоты вниз, попугай падает на какую-нибудь скалу, клюв его, подобно якорю, принимает на себя всю силу удара. Впрочем, и голова не менее тверда, чем клюв. Когда попугая учат подражать человеческой речи, его колотят по голове железным прутиком, чтобы он как следует почувствовал, что такое властная рука наставника; это для него школьная розга.

Учится птенец, начиная с самого рождения в течение двух первых лет жизни, пока рот податлив и легко принимает нужную форму, пока язык гибок и легко приводится в движение; пойманная же в старости птица и бестолкова и забывчива. В любом случае особенно легко усваивает человеческую речь такой попугай, который питается жолудями и у которого на каждой ноге по пяти пальцев, как у людей. Не всем попугаям это свойственно, но все они обладают одной характерной особенностью: язык у них шире и больше, чем у остальных птиц. Поэтому они и произносят слова человеческого языка сравнительно легко: ведь плектр-язык⁵² может ударяться об небо на довольно большом протяжении. То, что попугай выучил, он поет или, правильнее сказать, выговаривает, и выговор птицы до того похож на наш, что, услышав ее, каждый подумает: это говорит человек. А послушай-ка ворона, когда он пытается делать то же самое, – ведь он каркает, а не разговаривает. Впрочем, будь то ворон или попугай, безразлично, они произносят только то, что выучат. Научи его брани – и он будет браниться дни и ночи напролет, и уши прожужжит тебе своими проклятиями: это его песня, ее он считает своей трелью. Когда же он исчерпает весь запас выученных ругательств, снова повторяет ту же самую песенку. И если ты хочешь избавиться от этой брани, придется вырвать ему язык или выпустить его на волю как можно скорее, чтобы он улетел назад в свои леса.

⁵² Плектр – палочка, которой ударили по струнам кифары.

ХІІІ.

Нет, тот вид красноречия, которым наградила меня философия, совсем не похож на дар пения, которым природа наделила некоторых птиц; они поют недолго и лишь в определенное время: ласточки утром, цикады ⁵³ в полдень, совы в сумерках, сычи вечером, филины ночью, петухи перед рассветом. Песни этих животных слышатся в разную пору и все звучат по-своему: петух подбадривает, филин вздыхает, сыч жалуется, сова пускает трели, цикада стрекочет, ласточка пронзительно свистит. Другое дело – философ: его речь, как и мудрость его, не иссякает со временем, внушает почтение слушающему, приносит пользу понявшему, звучит на все лады.

⁵³ Удивительно, что Апулей среди птиц (*aves*) называет цикаду. Можно было бы думать, что это слово имеет здесь значение *volucres*, т. е. «крылатые» (все вообще, а не только птицы), и Флоридус (Флери) так и истолковывает его в своей подстрочной *interpretatio*. Однако у других авторов слово *avis* в таком значении, по-видимому, не засвидетельствовано.

XIV.

Вот какие истины услышал Кратет ⁵⁴ от Диогена, частью же постиг их и собственным умом. Наконец, однажды прибегает он на форум, бросает имущество, словно груз навоза, скорее обременительный, нежели полезный, а потом, оказавшись в окружении огромной толпы, восклицает: «Кратет отпускает Кратета на волю». С той поры и до самого конца своей жизни он жил счастливо – не только что без единого раба, но даже голый и от всего, без изъятия, свободный. И до того завидной была его участь, что девушка знатного рода, отказав молодым и богатым женихам, сама остановила свой выбор на нем. Кратет обнажил свою спину, которая была украшена горбом, и, положив на землю суму с палкой и плащ, объявил девушке, что весь его домашний скarb – перед нею и что красоту жениха она уже видела; пусть же она как следует обдумает свое решение, чтобы потом не пришлось ей раскаиваться. Однако Гиппарха приняла все эти условия. Она ответила, что уже давно все обдумала как следует и как следует взвесила и что нигде не сумеет найти мужа ни богаче, ни красивее; пусть же он возьмет ее и ведет, куда захочет. Киник привел ее в портик, и там, в людном месте, средь бела дня, у всех на виду лег рядом с нею; тут же на виду у всех он лишил бы ее невинности, которую с самообладанием, не уступавшим его собственному, предлагала ему девушка, если бы Зенон ⁵⁵ не растянул свой драный плащишко и не защитил учителя от любопытных взоров людей, стоявших вокруг.

⁵⁴ См. прим. 90 к «Апологии». Ср. также «Апология», гл. 22.

⁵⁵ Зенон из Китиона на острове Кипр (конец IV – начало III вв. до н. э.). основатель стоической школы, был одно время учеником киника Кратета.

XV.

Самос – небольшой остров в Икарийском море, расположенный напротив Милета, к западу от него, на расстоянии немногих часов плавания: в тихую погоду судно, идущее в ту или другую сторону, приходит в порт на следующий день. Земля эта плохо родит хлеб, непригодна для плуга, более благоприятна для маслин, и ни виноградарь, ни огородник не тревожат ее. Все полевые работы там состоят в окапывании и прививках, и, судя по сбору фруктов, остров скорее плодоносен, чем плодороден. Впрочем, жителей на нем много, и чужеземцы часто посещают его. Есть там город, далеко не отвечающий своей громкой славе, но свидетельствующий о былом величии своим многочисленными развалинами стен ⁵⁶

⁵⁶ Древний город Самос, некогда очень красивый и богатый, пришел в большой упадок после войн римлян с Митридатом и с пиратами (I в. до н. э.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.